

Теоретическая ориентация польской археологии

(*Tabaczyński St., Marciniak A., Cyngot D., Zalewska A. (red.). Przeszłość społeczna: proba konceptualizacji. Poznań: wydawnictwo Poznańskie, 2012. 1330 s.*)

В Польше, в Познани, вышел толстенный (1330 с.) том «Социальное прошлое. Опыт концептуализации». Это коллективный труд более 60 авторов под редакцией Станислава Табачыньского из Варшавы и Аркадиуша Марциняка из Познани, а также Дороты Цингот из Варшавы и Анны Залевской из Люблина (перечисляю в том порядке, в котором они значатся на титуле и обложке). Труд имеет целью выявить теоретические ориентации и определить важнейшие понятия и принципы польской археологии и смежных дисциплин, занимающихся изучением социального прошлого человечества. В основу легли трехтомник «Теория и практика археологических исследований» под редакцией В. Хензеля и С. Табачыньского с сотрудниками (Hensel et al. 1986–1998), выпущенный в результате сотрудничества с итальянскими археологами, и ряд иностранных обобщающих трудов (преимущественно англоязычных).

Том состоит из пяти частей. Нужно сказать, что деление по частям несколько нелогично и непоследовательно, поэтому искать нужные главы лучше по указателю. Первая часть называется «Теоретико-познавательные ориентации». Здесь рассмотрены теория археологического источника и исследовательских парадигм в археологии, общее представление о теории, особо выделены значение школы Анналов (?), и почему-то в этот раздел вошла этика археологии.

Вторая часть названа «Археология по делениям тематическим». Тут рассмотрены традиционные отрасли археологии, рассеченной по периодизации и областям — классическая, египетская, эгейская и т. д., а также по темам исследований — время в археологии, археология ландшафта и т. д., а это, конечно, очень неопределенный критерий: сюда входят религия, погребальный обряд, шаманизм, мифология, археоастрономия... Собственно, сюда можно было включить все, что угодно.

Третья часть более конкретна: «Методика и методология археологических исследований». Главы этого раздела понятны: классификация и типология, стратиграфия, трасология, документация, тафономия и т. д. Сюда же включены спорные понятия отдельными главами: культура и культуры, этногенез, этничность, аналогия и т. п.

Хотя науки, сотрудничающие с археологией, включались в названные части, четвертая часть посвящена этому сюжету вся. Сюда входят антропология, этноархеология, социология преистории, языкознание, история, искусство, палеодемография, экология, приматология, палеозоология, палеоботаника, философия культуры, а также отдельными главами — частные сюжеты, связанные с таким сотрудничеством: дар, ностратика, глоттогенез, наскальное искусство, расы, исследование ДНК и даже метаархеология.

Часть пятая, самая небольшая, названа «Прошлое в отношении к настоящему». В основном тут авторы занимаются культурным наследием, современными

проблемами общества, в которых так или иначе участвует археология, и современными достижениями техники, внедряемыми в археологию. Эти темы, конечно, очень мало связаны друг с другом и плохо смотрятся в одной части.

Переходя к общим впечатлениям от книги, нужно прежде всего отметить завидное внимание к теоретической и общей археологии. В этом плане Польша выдерживает статус если не великой археологической державы, то, во всяком случае, крупного археологического государства на европейском континенте. Сомневаюсь, что мы могли бы в России собрать 60 авторов, компетентных в теории археологии и смежных дисциплин. Почти по любому сюжету в этой сфере можно найти обобщающую статью с разбором основных понятий, с анализом современного положения, с библиографией. В этом смысле том напоминает энциклопедию или то, что на Западе называется *companion* (справочник, путеводитель) to archaeology.

При выборе теоретических ориентаций авторы тома ухватились за понятие «парадигмы» Томаса Куна. Это специально обосновывается в статье А. Марциняка «Исследовательские парадигмы в археологии», но проскальзывает и у других. Понятие это, введенное в 60-е годы, одно время пробежало по всем наукам, как лесной пожар, но в большинстве применений быстро приелось и осталось на уровне институтского сленга. Парадигмой Кун назвал жесткую и повсеместную систему принципов и правил, которая вводится при «научной революции» и сменяет предшествующую такую же без подготовки, логики и гарантии истины. Этакая научная мода. Занимаясь историей археологической мысли, я сразу же увидел (Клейн 1995; 2011, I: 28–29, 36, 334, 363, II, 470, 474), что, по крайней мере, археологам это понятие явно не подходит, потому что у нас никогда не бывает, чтобы господствовала одна жесткая система принципов и правил — всегда конкурируют несколько таких систем, несколько научных течений, и у археолога всегда есть выбор, к какой из них примкнуть (или инициировать новую). Скажем, на такой статус претендовала Новая археология, но, во-первых, она сама состояла из трех весьма различных течений (Клейн 2009: 60–68, 193–269), а во-вторых, к ней никогда не принадлежало большинство археологов, критиков было больше, чем адептов (Клейн 2009: 22, 73).

При чтении многих статей тома очень быстро складывается общее впечатление, что генеральным трендом, основной ориентацией польской теоретической археологии сегодняшнего дня оказывается английская и американская процессуальная археология 60-х — 70-х годов прошлого века и в еще большей мере — постпроцессуальная археология 80-х годов. Польские археологи внезапно воспылали любовью к немецким и французским философам середины XX века, обучавшим феноменологии и герменевтике — Гуссерлю, Гадамеру, Рикёру, и еще глубже — к Дильтею. И это во втором десятилетии XXI века, когда на западе эти археологические тренды, бывшие властителями дум молодежи, давно отгремели и обросли критическими комментариями, уступив первенство другим течениям. Главное, однако, не в этом, а в том, что и сами по себе, вне зависимости от модности или выхода из моды, они обладают целым рядом слабостей и недостатков, причем постпроцессуализм — куда больше, чем процессуализм (Клейн 2011, II: 335–405).

Даже самым названием своего труда польские теоретики археологии ориентируют читателя на полное изучение истории общества в рамках археологии,

находящейся в центре целой когорты наук. Археология для них это разновидность истории, только с концентрацией не на письменных источниках, а на источниках материальных, вещественных, поскольку это периоды, когда письменности еще не было или она была не столь всеобъемлющей, как ныне. Археология — стержень, вокруг которого группируются иные источниковедческие дисциплины: этнология, языкознание, физическая антропология и т. д. Именно археология решает важнейшие исторические проблемы.

Но если индивидов, имен и даже народов в археологическом материале нет, то изучать можно лишь вещи и их сочетания, а через них — знания, обычаи, нормы, идеи общества. Как явствует из статей С. Табачыньского, он считает «культуру» фундаментальным понятием археологии, и я здесь с ним вполне согласен, но понимает он культуру в духе Уолтера Тэйлора: как совокупность идей. Термин «материальная культура» он считает нонсенсом. Вещи — это уже не культура, а только ее отражение в материале, в вещах. Изучение ее, конечно, принадлежит к «наукам о духе», нем. *Geisteswissenschaften*. Дильтей, Гуссерль и Гадамер учат, что факты «наук о духе», исторические факты уникальны, и их не с чем сравнивать и нельзя строго объяснять, строя теории и системы, а можно только интуитивно понимать. А коль скоро так, то вся история, включая археологию как свою разновидность, относится к гуманитарному знанию и подлежит именно интуитивному пониманию.

От «культуры», так понимаемой, С. Табачыньски, а с ним и Д. Минта-Твожовска, видный познанский специалист по теоретической археологии, в своих главах делают шаг к трактовке «археологической культуры». Шаг вполне логичный: культура вообще, культура как общее понятие предполагает частные культуры — этнографические, а они превращающиеся со временем в археологические. Но тем самым и археологическая культура оказывается целостностью, обладающей по крайней мере частью характеристик общества и подлежащей гуманитарному изучению. Таким образом, археологическая культура отрывается от классификации и типологии, перестает быть классификационным понятием (из триады признаков — тип — культура) и становится проекцией общественного организма на материал. А это меняет исследовательскую ориентацию с познавательной работы на прозрение.

Мне представляется, что эта установка противоречит повседневной работе археологов и вряд ли найдет адекватную реализацию в конкретных исследованиях. Против нее четко высказывается один из авторов, Ян Бурдукевич из Вроцлава, в своей главе «Исследовательский процесс в археологии». «Постпроцессуальная археология, — пишет он, — как и вся постмодернистская гуманистика полны противоречий. Ян Ходдер заметил, что понятая так археология в сущности отказывается от исследовательского процесса. Он заявил: “Ее сущность заключена скорее в задавании вопросов, чем в предложении ответов”... а ведь в этом состоит собственно задача философии, а не науки. В общем и целом проведение исследований в постмодернистской концепции знания подражает философским и литературным спекуляциям, которые не нацелены на выводы, а вовсе не познавательным процедурам, поддающимся верификации» (с. 519–520). Но голос Бурдукевича тонет в хоре голосов энтузиастов постпроцессуализма.

Полагаю, что возражения против всей пересказанной здесь системы взглядов польских ведущих теоретиков найдутся у многих археологов, возможно,

у каждого в какой-то мере свои. Мои, возможно, не всем покажутся вполне состоятельными, но я их построил давно и не встретил возражений. Кроме эмоциональных.

С моей точки зрения (Клейн 1977, 1978, 1991б, 1995а; Klejn 1993, 1995), археология не является разновидностью истории. Это наука источниковедческая, подобно ряду других: текстологии, дипломатике, нумизматике, палеоантропологии, частично этнографии, языкознанию и др. Все они в этой своей функции равноправны и лишь выводы свои передают истории. А история (включая преисторию) — наука синтезная, она вырабатывает свои выводы, синтезируя данные, полученные от источниковедческих наук. Археология отвечает на другие вопросы, чем история. Археология препарирует материал и отвечает на вопросы: что, где, откуда, куда, когда, как. История (как и преистория) изучает причинно-следственную связь событий и отвечает на вопрос: почему. Методы археологии совершенно иные, чем у истории. По методам археология родственна не истории, а криминалистике, деятельности детектива. Археолог — это следователь, опоздавший к месту событий на тысячу лет. Вопрос, является ли археология гуманитарной наукой или точной, неправомерен. Археология вообще — не фундаментальная наука в отличие от истории. Она из другого ряда наук — из наук прикладных, как и криминалистика. А у этих наук значительно больше сходства с точными, чем с гуманитарными (Клейн 1992, 2004: 136–164; Klejn 2001: 32–41).

Культурой можно называть все, что угодно (определений, как известно, сотни), но если мы будем придерживаться исконного возникновения терминов, то *культура* противостояла *натуре* и означала культивирование знаний, материалов и опыта, получаемых не от природы, не генетически, а от других людей, научением, в конечном счете от общества. Вещи составляют необходимый компонент этого багажа и один из каналов передачи опыта. В этом смысле (именно в этом) нет принципиального отличия вещей от идей. Следовательно, материальная культура — несомненный компонент культуры вообще.

Археологическая же культура с понятием «культура» связана очень условно и в известном смысле случайно. Так называли те, кто думал, что прямая связь есть. Но есть ведь и другие названия для этого понятия — фаза, компонент, культурная группа, типус, цивилизация. Для тех, кто собирается идти к выводам от состояния материала, археологическая культура однозначно есть единица археологической классификации (Клейн 1970; 1991а: 125–153; 1999). Значит ли она что-либо сверх этого, зависит от долгого исследовательского процесса и получается как вывод в конце его. То есть это выводное знание, а не непосредственное, нужное для группирования исходных понятий.

Поэтому мне (и, надеюсь, не только мне) представляется несостоятельной «парадигма», построенная польскими коллегами с опорой на постпроцессуалистскую археологию и соответствующую философию.

Другая сторона рассматриваемого труда (видимо связанная с первой, теоретико-ориентационной) состоит в его сузившемся кругозоре. Ориентация на постпроцессуализм и постмодернизм вообще предопределила узость выбора литературы для чтения и анализа. Это в основном английская и американская литература и те немецкие философы, на которых она ориентирована. Традиционно польская археология имела ориентацию на французскую научную

литературу (что, видимо, было связано с политическими симпатиями) и была очень хорошо осведомлена в литературе и материалах российских, австрийских и германских (что определялось геополитической ситуацией). Теоретическая же позиция польских археологов отличалась изрядной независимостью. Но и английские книги, не переведенные на русский, оказывались переведенными на польский, и их можно было купить в книжных магазинах как импорт из стран «социалистической демократии». Для российских археологов, даже не ограниченных славянской тематикой, владение польским языком было существенным преимуществом — мы учили польский, потому что это открывало нам в годы замкнутости европейскую археологию.

Сейчас польская археология до того приклеилась к англо-американской, что учить польский незачем: проще прочесть в оригинале.

Поражает почти полное игнорирование русской археологической литературы и российской археологии вообще. Я понимаю, обязательное цитирование «старшего брата» за период варшавского блока обрыдло до тошноты. Но, во-первых, марксизм как методология исследований имел и некоторые плюсы, что признано ведущим польским теоретиком С. Табачынским (Tabaczynski 1995), а во-вторых, в российской археологии и в советское время не все подпадало под жесткие догмы марксизма, а уж после падения советской власти и подавно можно обнаружить в российской литературе много весьма далекого от марксистских догм. Даже постмодернистская ориентация совершенно ясно выражена в многочисленных трудах главы российской этнографии-этнологии В. А. Тишкова, ощущается у этнолога О. Ю. Артемовой. Интересны теоретические работы археологов Я. А. Шера, В. Б. Ковалевской, Г. П. Григорьева, М. В. Аниковича, В. С. Бочкарева, М. Б. Щукина и др.

В именном указателе рассматриваемого тома, включающем ок. 3000 имен, русских личных имен значится 28, из них археологов 9, большей частью упоминаемых по 1–2 раза. Только С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова упоминаются на 4 страницах и автор этой рецензии — на 12. Но все упоминания моей фамилии, кроме тех, что приводит Бурдукевич, это только глухие ссылки, причем в контексте, который свидетельствует, что мои работы либо не читаны, либо не поняты.

Так, в главе о культуре и культурах С. Табачынски пишет, что каждый социокультурный факт может рассматриваться как система и часть более крупной системы и ссылается при этом на «Аналитическую археологию» Д. Кларка и на мои «Археологические источники» 1978 года, хотя в этой книге системный подход не представлен. То же утверждение и те же ссылки повторены в главе Табачынского «Социология преистории». Между тем, мои взгляды на системный подход сильно отличаются от взглядов Кларка (Клейн 1975; 2009: 85–120; 2013: 75–106). В моем понимании системный подход не сводится к уподоблению культур матришкам, он в значительной мере состоит в рассмотрении культур как органических систем, но я вообще не считаю культуры, а тем менее археологические культуры, органическими системами. Если их можно было бы причислить к системам, то к условно-динамическим, а это лишает системный подход той острой привлекательности для археологов, которой он на первых порах обладал.

В главе Анджея Словиковского «Метаархеология как имманентная философия археологии», разумеется, есть ссылка на английское издание моей книги

«Метаархеология» (Klejn 2004). Автор ссылается на две книги — на библию постпроцессуализма «Чтение прошлого» Яна Ходдера и на мою книгу. Но ведь они совершенно противоположны одна другой. Книга Ходдера действительно может рассматриваться как имманентный опыт философского самопонимания археолога, а в моей книге никакой философии нет. Это блок чисто археологических теорий, направленных на изучение самой археологии как науки, а не на ее материал. Я различаю три рода теорий в археологии: те, которые изучают ее материал (эндоархеологические), те, которые изучают ее саму как науку (метаархеологические), и те, которые относятся к смежным наукам, но важны и для археологии, определяя ее фундаментальные понятия (параархеологические). Гуссерль, Гадамер и Хайдеггер с Рикёром могут пребывать в покое. Я их совершенно не тревожу.

Для меня теория вообще очень далека от философии и близка к материалу и методам. Теория — это программа переработки информации, основанная на некой объяснительной идее. Ничего больше. Превращаясь в стереотип, она оборачивается методом.

В ряде глав я вижу темы, мне очень близкие. Это глава А. Марциняка «Теория в археологии», главы Д. Минты-Твожовской «Источники» и «Классификация и типология», главы С. Иванишевского «Археология времени» и А. Хмужыньского с М. Верциньским «Время и длительность», глава Э. Доманьской и Пш. Урбаньчыка «Археология история» и некоторые другие. Каждой из этих тем я посвятил монографии или серии статей. Я надеялся найти в указанных главах если не разбор моих работ, то хотя бы возражения, но большей частью не нашел и упоминаний. Ну, естественно: я же в России, писал по-русски.

То есть наши польские коллеги то ли совершенно не следят за русской литературой, то ли не считают ее достойной внимания, тут уж не приходится жаловаться, то ли просто не получают, и в этом случае это явно наша вина: не заботимся о распространении своих работ, не удосужились напечатать на читаемых повсеместно языках.

Нужно признать, что, несмотря на пробелы и просчеты, вся книга в целом чрезвычайно информативна, многие главы интересны как весьма полные и компетентные обзоры соответствующих разделов археологии или смежных дисциплин, и отныне перед обращением к какому-либо малознакомому разделу я все-таки загляну в польский том: а что там за информацию мои польские коллеги собрали по этому поводу и какую литературу привели?

Литература

- Клейн Л. С.* 1970. Проблема определения археологической культуры // СА 2: 37–51.
Клейн Л. С. 1975. О сущности и границах аналитической археологии // Новейшие открытия советских археологов. Ч. III. Киев: б. и., 19–22.
Клейн Л. С. 1977. Предмет археологии // АЮС 9, 3–14.
Клейн Л. С. 1978. Археологические источники. Ленинград, издательство Ленинградского университета (второе, расшир. изд. Фарн, 1995а).
Клейн Л. С. 1991а. Археологическая типология. Л.: АН СССР, Ленинградское археологич. научно-исслед. объединение.
Клейн Л. С. 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // ВИЕТ 4: 3–12.

- Клейн Л. С.* 1992. Методологическая природа археологии // РА 4: 86–96.
- Клейн Л. С.* 1995б. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии. Рец. на: Г. С. Лебедев. История отечественной археологии 1700–1917. СПб., 1991 // Тихонов И. Л. (ред.). Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 173–183.
- Клейн Л. С.* 1999. Познанский труд по теории классификации и типологии // *Archaeologia Petropolitana* 3: 28–32.
- Клейн Л. С.* 2004. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. СПб.: Бельведер.
- Клейн Л. С.* 2009. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Изд-во Донецкого ун-та.
- Клейн Л. С.* 2011. История археологической мысли. Т. 1–2. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та.
- Клейн Л. С.* 2012–2013. Археологическое исследование. Т. 1–2. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та.
- Hensel W. et al.* 1986–1998. *Teoria i praktyka badan archeologicznych*. Т. I (1986) — red. Hensel W., Donato G., Tabaczyński S.; т. II (1995) i III (1998) — red. Hensel W., Tabaczyński S., Urbańczyk P. Warszawa: PAN.
- Klejn L. S.* 1993. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // *Antiquity* 67, 339–348.
- Klejn L. S.* 1995. Prehistory and archaeology // Kuna M., Venclova N. (eds.). *Whither Archaeology? Papers in Honour of Evz.*